

Новгороде, Галиче или Новгороде Северском. Они признают русским свой язык, свой военный строй,¹ свой обычай.²

В литературе XI—XIII веков сосуществуют два представления о Русской земле — народное, не чуждое и самим феодалам, когда речь не шла об их государственных представлениях, и узко феодальное, преимущественно свойственное представителям феодальной среды, которое было очень характерно для „государственных“ представлений князей, особенно не киевских.

Различие это легко проследить на конкретном материале летописей. Даже в самой княжеской среде представление о чести Русской земли как о чести Родины, а не как о чести вотчины, проступает в речах князей, с которыми они обращались к своему войску перед битвой.

Так, например, очень характерна речь Изяслава Мстиславича к своим войскам перед битвой в 1152 году на реке Сан: „Братья и дружино! Бог всегда Руския земле и руских сынов в безчестьи не положил есть; на всех местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси, у сих землях и перед чюжими языки дай ны бог честь свою взяти“.³

Здесь несомненно сказалось не узко феодальное, а народное представление о Русской земле. Само собой разумеется, что, обращаясь к дружине и простым ратникам, Изяслав Мстиславич меньше всего мог прибегать к узко феодальным понятиям.

Мы говорили выше о типических представлениях феодальной среды, об их „ходовых“ представлениях, помогающих нам понять многие страницы лигатурных произведений XI—XIII веков. Однако отдельные выдающиеся произведения литературы поднимались над ограниченностью феодальных представлений своего времени. Так, например, в „Слове о полку Игореве“ ясно ощущаются два представления о Русской земле, два аспекта, в которых Русская земля воспринималась как целое, — народный и феодальный. Оба тесно между собой связаны, не противостоят друг другу, но разницу мы отчетливо ощущаем, когда автор „Слова“ говорит о своем чувстве Родины или тогда, когда он обращается к князьям и призывает их вступить в стремя за обиду сею времени, за раны Игоревы, за Русскую землю. Не вступая в противоречие со своими убеждениями, автор „Слова“ умел призвать князей к единению, к защите Руси на языке самом для них близком, напомнить им об их феодальных обязанностях по отношению к Русской земле.

Не случайно, что обращение к русским князьям вступить в стремя за обиду сею времени, за землю Русскую идет вслед за „золотым словом“ Святослава и частично сливается с этим „золотым словом“. В обращении к суздальскому князю Всеволоду говорится о необходимости „поблюсти“ золотой стол киевского князя, что в феодальных понятиях того времени, как уже отмечалось, было равнозначно необходимости „поблюсти“ Русскую землю. Сам киевский князь говорит о „княжеском неспособии“ себе, ибо поход за Русскую землю мыслился как поход под главенством киевского князя. В этих местах „Слова“ мы всюду ощущаем типичные для феодалов представления о служении Русской земле как о служении феодальном. В остальном „Слово“ пронизано гораздо более высоким, народным представлением о Родине и о ее защите.

¹ См. „русский бой“: Ипатьевская летопись, под 1229 г., стр. 504.

² Ипатьевская летопись, под 1158 г., стр. 541.

³ Там же, под 1152 г., стр. 310.